

I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРОЛОГИЯ ПРЕСТУПНИКОВ

Опыт психиатрического построения характеров у правонарушителей.

I.

Вряд ли кем-нибудь станет оспариваться своевременность и необходимость научной типологической классификации той группы человеческого общества, которая называется преступной. Этого требует всякая правильно поставленная современная пенитенциарная политика, ибо во главу угла ее ставятся меры воздействия на индивидуальную личность преступника в целях его приспособления к жизни в обществе. А для фактического осуществления такого воздействия нужно знание этой личности. Однако, несмотря на признание этого принципа в большей или меньшей степени не только многими учеными криминалистами Запада, но даже и многими европейскими уголовными кодексами, и уже проделанную большую классификационную работу правонарушителей — единой и удовлетворяющей всех типологической классификации преступника мы все еще не имеем. А нужна ли и возможна ли отвечающая указанному пенитенциарному принципу классификация людей по одному признаку их поведения, по совершенному ими правонарушению? И не строится ли такая классификация на морально-правовой оценке поведения человека, на позиции невольного осуждения его, кататимно искажающей целостный облик человеческой личности? И дает ли так односторонне построенная типология практическую, возможность предсказания социального поведения сложной человеческой личности преступника? И может ли она при ее односторонности указать пути всестороннего воздействия на подчас многогранную индивидуальность правонарушителя? Яркий образец такого кататимически (комплексно-аффективно) извращенного построения классификации являет собой классификация Ломброзо*). Порожденная протестом против классицизма уголовного права, она не только переносит весь центр тяжести криминологического изучения с преступления на игнорируемую там личность преступника, но и аффективно выставляет положение о преступнике, как причине преступности вообще. Отсюда учение о врожденном преступнике, пропитывающее сверху до низу всю классификацию Ломброзо. Даже у случайного преступника, нашего места в классификации Ломброзо, по его убеждению, все-таки имеется «преступная сущность, обнаруживающаяся в очень подчиненном виде и с очень редкими аномалиями». Истинный случайный преступ-

*) C. Lombroso. L'homme criminel. 1895.

ник — это, по терминологии Ломброзо, — криминалоид, в отношении которого вполне законны слова Гарофало о том, что «обстоятельства вовсе не делают вора, но делают то, что вор становится вором». Далее, его преступник по страсти, отличающийся «красотой лица» и соответствующим благородным моральным обликом — все-таки обреченный в силу своего психо-физического склада на преступление человек, так как он пожалуй еще больше, чем врожденный преступник, обнаруживает родство с импульсивным помешательством и особенно с эпилепсией. Наконец, Ломброзо различает еще тайного или скрытого преступника, являющегося по своей сущности или врожденным преступником или криминалоидом, который только не обнаруживается, так как нет случая, или богатство и власть позволяют ему удовлетворять свои низкие влечения без нарушения закона. Сделав впоследствии уступку социологической школе, Ломброзо признал привычного преступника артефактом социальных воздействий, главным образом, дурного воспитания, без каких либо аномалий, без наследственного отягощения, без дурного предрасположения. Однако, и тут источник преступности — физиологическая склонность детского возраста к преступности, которая при благоприятном воспитании не получает развития, при плохом — превращается в привычную патологическую склонность к преступлению. Естественный вывод, что со всеми типами преступника Ломброзо дело обстоит печально: нет надежды на исправление, ибо преступность роковым образом вытекает из их криминальной природы, нет нужды и в какой либо индивидуализации пенитенциарного воздействия, и, наконец, вся проблема борьбы с преступностью безнадежна. Типы преступников Ферри*), присоединившегося к Ломброзо, те же по существу, но с большими оттенками различия в криминальном прогнозе и терапии, вследствие принятой им большой поправки на значение социальной среды для отдельного преступника и преступности в целом.

Однако и классификации, отбрасывающие главный принцип Ломброзо о врожденном преступнике и основанные на признании только социального происхождения преступника, тоже оказываются несостоятельными, ибо они делят преступников по какому нибудь одному психологическому признаку, сочетая его с формой преступления. Такова Кауфманновская**) классификация, которую последнее время выдвигает вновь Шнейкерт***) — на энергичных, активных и лишенных энергии пассивных преступников. К первым принадлежат воры, воры-взломщики, грабители, мошенники и т. д. К пассивным — нищие, бродяги, проститутки, преступники-алкоголики, преступники по страсти. Энергия активного черпается им из его интеллектуальной и физической силы и, наоборот, пассивный является игрушкой своего безволя и своих страстей. Я думаю, что для психиатра и характеролога совершенно ясна недостаточность деления людей только на две группы, по нашей современной терминологии, на стенических

*) Ферри. Уголовная социология 1908 г.

**) Max Kaufmann. Die Psychologie des Verbrechers. Eine Kritik, 1912.

***) Schneickert. Zur Lehre von den Verbrechertypen. Monatsschr. f. Kriminalpsychologie u. Strafrechtsreform. 17 Jahrgang.—11/12 H. 1926.

и астенических людей. И дальше, конечно, совершенно не совпадает признак стеничности или астеничности с преступной профессией. Мы знаем среди воров много людей как раз с очень слабым интеллектом и даже с слабой физической силой, являющихся игрушкой своих влечений и внешних обстоятельств; как раз среди воров встречается большое количество вообще безвольных людей и безвольных психопатов. То же самое можно сказать почти про любую группу — Кауфманновской классификации: каждая группа, объединенная одним признаком однородного вида преступления, представляет собой чрезвычайно пеструю по темпераментам и характерам человеческую массу. Таким образом, и эта группировка преступников не позволяет делать правильного предсказания поведения в будущем для отдельного правонарушителя, его исправимости или неисправимости, и не дает руководящих нитей для выбора формы индивидуального воздействия на отдельного правонарушителя в целях его приспособления к жизни в обществе. Я не стану останавливаться на других классификациях преступника, также отбрасывающих принцип Ломброзо врожденного влечения к преступлению и принимающих социальную обусловленность преступления, на делении Франца Листа на острых и хронических правонарушителей, на наиболее разработанной классификации преступников Г. Ашаффенбурга*) по нескольким психологическим признакам преступного поведения и т. д., ибо все они страдают одним и тем же недостатком — отсутствием учета целостной личности человека, совершающей преступление, а потому так же как и Кауфманновская классификация, не позволяют делать социальный прогноз отдельной личности, подпадающей под ту или другую их рубрику, и назначать соответствующую социальную терапию. Для иллюстрации этой мысли приведу еще только два примера. Это во 1) — парадоксальное, а по существу правильное утверждение проф. Мокринского о социальной опасности на первый взгляд именно наименее опасного случайного преступника, и во 2) — возможность, по мнению Ветцеля**), по существу абсурдного, но на основании существующих классификаций вполне последовательного построения типа «привычного случайного преступника» (*Gewohnheitsmässiger Gelegenheitsverbrecher*), ибо ведь может же существовать, по утверждению Тонни, тип врожденного случайного преступника.

II.

Все сказанное приводит к убеждению, что классификации правонарушителей, берущие за основу один признак человеческой личности, ее преступную реакцию, неудовлетворительны вообще и не выдерживают критерия пригодности в пенитенциарной практике. Да это так и должно быть. Правонарушение — это только одна из сторон поведения

*) G. Aschaffenburg. Das Verbrechen und seine Bekämpfung. 1923.

**) Wetzel. Persönlichkeit und Kriminalität. Monatschr. f. Kr. — ps. Beiheft. Festgabe zum 60. Geburtstag von Gustav Aschaffenburg. 1926.

личности, одна из реакций ее. То, что эта реакция является обязательно социальной реакцией, принадлежащей социальному пространству, порождается раздражителями последнего, вовсе не делает ее исключительным явлением для личности, ибо в современном человеческом обществе, при ясно выраженной тенденции к обобществлению всех сторон жизни отдельной человеческой личности, почти нет реакции не социального значения и не из социального источника. Зиммель*) говорит, что «отдельная индивидуальность является пунктом перекреста многих социальных кругов» (семьи, класса, товарищеской среды, специальной, профессиональной группы, церкви, политической партии и т. д.). Таким образом, «общество, по выражению Фишера**) — наступает на отдельную индивидуальность разными путями, из которых главные — среда, традиция и организация общества». «Но косвенными путями, продолжает Фишер, просачивается и обратное действие индивидуума на общество, от одного к другому, ко всем и, может быть, не существует ни одного человека, живущего на периферии «моего» общества, которому не попала бы хоть капля того сока, который, исходя из меня, циркулирует в обществе». Так крепко впаянным, я бы сказал, оказывается современный человек в социальный организм, что не только в нем самом все является социально-обусловленным, но и каждое движение его вызывает ответное движение в обществе, распространяясь в последнем до бесконечности, подобно круговым волнам на водяной поверхности. Таким образом, преступная реакция одно из звеньев вообще социального поведения личности. Однако, она принадлежит к конфликтным реакциям отдельной личности с обществом. Чем выше и бурнее волны в социальном пространстве вокруг нее, тем ярче и отчетливее социальные связи личности и их действие на последнюю, это — с одной стороны; а с другой — тем ярче просвещается через этот пункт конфликтного скрещения личности с обществом, как через фокус, весь строй, вся организация самой действующей в ней личности. Словом, переживаемое личностью преступление в большинстве случаев обнаруживает всю личность в ее типическом проявлении, а такого рода переживания удачно названы Кречмером***) ключевыми. Такое переживание вскрывает всю личность, подобно тому, как подходящий ключ открывает замок.

Таким образом, если нельзя группировать людей по преступлениям, принимая их, как внешние признаки отличая этих людей друг от друга, то чрезвычайно выигрышным оказывается характерологическое изучение и построение отдельной личности,

*) Simmel. Цитируется по Fischer'y. Psychologie der Gesellschaft.

**) Fischer. Psychologie der Gesellschaft. Handbuch der vergleichenden Psychologie Kaffka. 1922.

***) E. Kretschmer Medizinische. Psychologie. 1926.

исходя из преступной реакции ее, как из конфликтного ключевого переживания. Тогда естественно намечается и план этого построения по аналогии с структурным анализом психозов, являющихся, кстади сказать, в сущности тоже конфликтными и ключевыми переживаниями в тех случаях, когда они вызываются душевным потрясением, когда они признаются нами за психогенные. А не представляет ли собой психогенной реакции с нашей медицинско-психологической точки зрения и всякая впервые совершающаяся преступная реакция? И не составляют ли последующие преступления того, что мы вместе с Ясперсом*) называем «развитием»? Не определяют ли они собой преимущественное, как и в «психозе развития», направление формирования социального уродства личности? Думаю, что это так; при чем это, конечно, совершенно не обозначает, что мною всякое преступное поведение понимается, как больное патологическое явление, но утверждает то приемлемое для всех положение, что как в больной, так и здоровой психике действуют одни и те же психические механизмы. «Как раз психогенные расстройства, говорит Бирнбаум**), автор структурного построения психозов — «и послужили исходным пунктом для структурного анализа психозов». Таким образом, из психогенной сущности преступной реакции и психогенного развития личности правонарушителя, мне кажется, естественно вытекает стремление перенести на нее и на личность самого правонарушителя уже вошедший в психиатрический обиход метод структурного анализа. Перестраивая в соответствии с объектом Бирнбаумовскую терминологию и вместе с тем сохраняя в полной неприкосновенности его принцип, мы должны будем различать следующие детерминанты криминальной реакции личности: это, во-первых, криминогенный фактор, являющийся причиной преступной реакции. Как во всякой чистой психогенной реакции, так и тут причиной всегда будут раздражители внешней, социальной среды. Эти раздражители принадлежат двум сферам социальной среды — сфере чисто материальной, экономической и сфере психической надстройки последней, быту, психике человеческой массы, в которую впаина, как я уже позволил себе выразиться, отдельная человеческая личность. Обычно раздражители, порождающие преступную реакцию, идут из обеих сфер одновременно и совместно, сливаясь в один сокрушающий человеческую личность социальный напор. Но можно себе представить действие их в одиночку. Так, голод, порожденный тяжелой материальной нуждой, приведет к краже. Или ревность, возникшая при нарушении освященного обычаем и законом права собственности на жену или мужа, приведет одного из них к убийству другого; там, где закон и обычай санкционируют полигамию, там нет обычно места для ревности многих жен друг к другу, нет и мотива для преступления. Но для провоцирования криминальной реакции у разных людей нужна различная сила социального пресса и качественно различная констелляция обстоятельств, так как мы знаем что при одних и тех же обстоятельствах один человек совершает преступление, — другой сохраняет свое социальное равновесие. Таким образом, и

*) K. Jaspers. Allgemeine Psychopatologie. Zweite Auflage. 1925.

**) K. Birnbaum. Der Aufbau der Psychosen. 1923.

тут, как при всяких психогенных реакциях, имеется у каждого человека свой порог криминального раздражения. Но он не только количественно дан для любых раздражителей среды в отдельной личности, но он различен в одной и той же личности для качественно разных раздражителей; так, мы знаем людей, которые легко ревнуют и тут легко переходят границу социально дозволенного, но очень хорошо переносят голод и не украдут при самых трудных материальных обстоятельствах, и наоборот. Вот этот различный порог раздражения для разных криминальных раздражителей является у разных людей моментом криминальной предрасположенности. Мы знаем, что эта готовность к криминальной реакции может быть обусловлена психопатичностью личности, оказывающей некоторым раздражителям среды особенно слабое сопротивление. Эта слабая сопротивляемость личности, собственно говоря, и является критерием психопатичности ее. Так, мы знаем людей с исключительно легко вызываемыми внешними поводами вспыльчивостью или аффектом отчаяния, людей, чрезвычайно склонных ко лжи, притворству и обману и т. д. Но слабая сопротивляемость может быть обусловлена и констеллятивно предшествующими социальными и физическими условиями существования личности, пробивающими в ней дорогу для более легкой криминальной реакции на соответствующие раздражители. Но какого бы происхождения ни был этот предрасполагающий фактор преступления, к моменту криминального крушения личности он оказывается заложенным в самой этой личности, он составляет ее свойство, ей присущую специфическую криминальную готовность. В еще большей мере оказываются предопределенными структурой и особенностями личности — самые психические механизмы преступной реакции ее. Эта сторона преступного поведения, может быть, самая яркая и интересная и, может быть, наиболее ярка она в преступлениях против личности, особенно в убийствах. Все знают, что убивают по разному: одни действуют во внезапном гневе, другие после длительной страсти, совершенно поглотившей все их существо, третьи — по каким-то неясным, часто непонятым самому совершающему мотивам, четвертые действуют холодно, расчетливо, по плану. Так по разному оформляются личностью механизмы поведения, выявляющиеся в криминальной реакции ее. Это — криминопластическое действие личности, это криминопластический фактор. Он весь в личности и определяется всем индивидуальным строем личности, действующей в преступлении. И тут прошлый опыт человека готовит и шлифует основные психические механизмы, которые ярко, как в ключевом переживании, вскрываются и действуют в преступлении, и этот преобразующий психические механизмы опыт мы называем в нашей аналитической схеме криминопредформирующим фактором. Этот фактор, вместе с криминопредисполирующим, обозначает основные пути психологического развития личности, пути взаимодействия окружающей средой того строя и склада личности, который именуется характером. Наконец, тот последний раздражитель всей цепи социальных раздражителей, который, как последняя капля, переполняющая чашу, приводит в действие названные выше лежащие в личности детерми-

нанты преступного поведения, должен быть назван криминалопровоцирующим. Он и является ключем, открывающим личность. Из соотношения этих детерминант личности, определяющих ее преступную реакцию, как конфликтную, вскрывающую всю личность во всей ее целостности, ясно, что криминогенные и криминопластические дают нам статическое представление о личности, в то время как криминопредиспонирующие и криминопреформирующие детерминанты вскрывают генез, динамику личности. Таким образом, такой анализ дает нам возможность не только классифицировать по чисто клиническим типам личности правонарушителей, но и строить, динамически эти типы.

III.

Уже больше года, как на основании опыта нашего Кабинета по изучению личности преступника и преступности и наблюдений в нашей Клинике, я пришел к окончательному убеждению, что существует три нормальных типа личности, в которые укладывается в основном все многообразие отдельных индивидуальностей, как здоровых, нормальных, так и больных, психопатических. Последние нами не представляются самостоятельными конституциональными типами, но вырастают в качестве уродства основных типов. Правда, иногда за уродливым внешним психическим обликом психопатической личности основной конституциональный тип ее просвечивает только как легкая тень. Такое восприятие психических конституций личности целиком совпадает с правильной, как мне думается, точкой зрения проф. Богомольца*) на физические конституции человека. Он различает три типа самостоятельных конституций: 1) мускульный, 2) астенический и 3) дигестивный, или, по Кречмеру, пикнический. «Диспластический же конституции, как самостоятельной конституциональной формы, на наш взгляд, — говорит Богомольц, — не существует. По большей части речь идет о тех патологических налетах, которые эндокриния, как болезнь, вносит в тот или другой тип нормальной конституции». Такими же диспластиями трех основных нормальных психических конституций мыслятся мне и типы психопатических личностей.

Что же это за три основных нормальных типа личности? Это — всем уже хорошо знакомые Кречмеровские** типы шизотимика и циклотимика и отчетливо выкристаллизовавшийся в работе нашей криминологической клиники за последние два года тип эпилептотимика.

Кстати сказать, все три типа в нашей криминологической амбулатории и Клинике постоянно и прекрасно, только с некоторыми отклонениями, коррелируют с тремя основными физическими конституциями: шизоти-

*) А. А. Богомольц. Введение в учение о конституциях и диатезах. Изд. С. и С. Собашниковых, 1926 г.

**) E. Kretschmer, Körperbau und Charakter. Vierte Auflage 1925.

мик и циклотимик, по К р е ч м е р у — с астеническим и дигестивным, а эпилептотимик — с мускульным типом.

Каковы же границы между ними? Какова структура и динамика их в жизни? И что дают они для наших криминологических и пенитенциарных целей?

Позвольте все эти вопросы осветить и решить на живых человеческих личностях.

Вот тип своеобразного мошенника, фармазонщика. В его собственном описании этот вид мошенничества рисуется так: Для такого мошенничества требуется участие трех лиц: «продавца», «клиента», и «оценщика». Наметив жертву, «продавец», изображая из себя провинциала, желающего продать доллары, обращается к жертве с просьбой указать банк. С простотой и наивностью изображаемого им провинциала «продавец», не зная цены долларам, продает их баснословно дешево. Тут как тут — «клиент» и на глазах у жертвы спешит купить доллары. Возбудив аппетит жертвы, «продавец» конфузливо предлагает бриллианты, предварительно оценив их в магазине. Магазин закрыт на обед или вследствие учета товара, но «оценщик» приглашает зайти в контору. Заходят во двор, в контору же продавец боится итти. И тут же во дворе происходит оценка и предложение «оценщиком» продать бриллианты, зайдя через некоторое время в магазин. Окончательно раззадоренная жертва покупает по дешевке, я думаю, всем понятно, какие бриллианты. Весело, с юмором, искренне и образно изображая действующих лиц, рассказывает всю эту несложную, но психологически рассчитанную мошенническую операцию «фармазонщиков» наш клинический питомец Л. Сам он никогда не унывает, всегда в движении, со всеми ласковый, приветливый, быстро сходящийся, умеющий завоевывать общие симпатии своим неподдельным весельем, заражающей жизнерадостностью, искренней душевной открытостью и общительностью. Ему 27 лет. Происходит он из зажиточной семьи щеточника. До 10 лет жил с родителями в деревне, а в этом возрасте вместе с отцом и мачехой (родная мать умерла, когда ему было 2 года) переехал в Москву. В Москве отец вплоть до 1917 года имел щеточную мастерскую с 15—20 мастерами рабочими. После неудачного учения в течение 3-х лет в школе, так как способности были плохи, Л. с 13 лет в этой самой мастерской был сначала учеником, а затем и мастером. В 1917 года революция разорила отца, и вся семья распалась. Удивительным образом после разорения уголовная и общественно паразитическая дорога увлекла, кроме нашего знакомого, и его сестру, ставшую проституткой, и старшего брата, сделавшегося вором-домушником. Этому способствовали тяжелый характер и рука отца, любившего выпить и часто бывавшего детей, а также и недобрый нрав и отношение к детям мачехи. Так, она побила Л. до 17 лет. Несладко жилось дома, а с материальным крахом последняя связь с семьей оборвалась. Л. уходит из дому и попадает на рынок, и тут первые криминальные шаги в коллективе мошенников — картежных шулеров. Затем с 1918 года по 1922 г. служба в Красной армии и честная жизнь. По демобилизации, попытка стать на путь социальной жизни, служба пожарным охранником на Ряз. ж.-д., но через $\frac{1}{2}$ года сокращение, безработица, рынок и кампания фармазонщиков. Теперь Л. — человек